

Право на публикацию полного текста книги Бена Брэдли на русском языке следует получить от издательства Simon & Shuster, которого представляет агентство Bratina & Shapland в Праге тел. 42-2-29-54-16, факс — 42-2-29-54-16.

ИЗ ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ *

Питер Эндрюс

ГАЗЕТЫ

Принято считать, что первая в Америке попытка организовать регулярное периодическое издание была принята Бенджаменом Харрисом, который 25 сентября 1690 г. в Бостоне выпустил в свет первый номер журнала *Publick Occurrences Both Forreign and Domestick* ("Зарубежные и местные общественные события"). Харрис был английским печатником, которого в Лондоне в свое время приговорили к позорному столбу за фабрикацию истории о якобы готовящемся заговоре папистов против британской короны. Сначала Харрис напечатал рассказ об этом мнимом комплоте, а затем, когда оказалось, что ничего подобного нет и в помине, приписал себе заслугу разрушения злодейских планов в зародыше. В Бостоне он попробовал издавать четырехстраничный ежемесячник форматом в тетрадный лист. В первом номере его газеты можно найти описание разнообразных местных событий — пожаров, самоубийств, эпидемии оспы. Было там и душераздирающее повествование о зверствах индейцев, "варварски перерезавших" сорок белых поселенцев, и даже заграничные новости — несколько фривольных историй о нравах французского двора.

Бостонские власти отнюдь не были в восторге от этой затеи. Сообщение о нападении индейцев выглядело особо неуместным, поскольку колониальная администрация предпочитала не ссориться с коренным населением. На четвертый день губернатор распорядился закрыть газету за публикацию "сомнительных и недостоверных сообщений".

* По материалам журнала *American Heritage*, October 1994

Харрис возвратился в Англию, где и закончил свои дни, торгуя на улицах шарлатанскими снадобьями.

Уже в этой истории проглядывают некоторые особенности современной американской прессы. Хотя наши газеты и принадлежат к числу лучших в мире, они никогда не могли похвастаться особо высокой репутацией. Они буквально живут скандалами и не чураются сомнительных публикаций. Но чаще достается им не за заведомо ложные сообщения, а за обнародование сведений, которые правительство предпочло бы держать под сукном.

Печатный станок стал предметом беспокойства властей еще в пятнадцатом столетии. Уже тогда возникли опасения, что изобретение Иоганна Гутенберга можно использовать в подрывных целях. В 1671 г. губернатор Вирджинии Уильям Беркли писал в Лондон: "Образование ведет к неповиновению и наполняет мир ересями и сектами, а печать повсюду распространяет их ложные учения и клеветает на правительство. Да хранит нас Бог и от того, и от другого".

Но желание власть имущих править бесконтрольно сталкивается с желанием их подданных знать о том, что происходит вокруг. Уже в колониальные времена в Новой Англии процветало газетное дело. Первым постоянным периодическим изданием Америки стала бостонская "Ньюс-Леттер", серьезная газета, исправно поставлявшая новости населению этого портового города. Вскоре у нее появился и конкурент, "Нью-Инглэнд Курант", издание иного рода, печатавшее немало чепухи. Эту газету основал Джеймс Франклин, которому помогал тринадцатилетний подмастерье, его родной брат Бенджамен. "Курант" был довольно легкомысленным еженедельником, обещавшим "развлекать наш город самыми забавными и радующими душу историями из жизни". Противоположность между достоверной информацией и сплетнями восходит к тем далеким временам.

"Курант" обожала изводить двух знаменитых бостонских святош Инкриза и Коттона Мазеров, выставляя на публичное обозрение их частную жизнь. "Наш город стал адом и пристанищем лжи, над которым властвует сам сатана", — жаловался Коттон Мазер.

Нападки на священников сходили Джеймсу Франклин с рук, но он угодил в тюрьму, обратив свое перо против губернатора штата Массачусетс.

Газеты тех лет уже обладали многими чертами, роднящими их с современной прессой. Весьма типичны были вдохновенные передовицы, выдержанные в стиле писем редактору. Бенджамен Франклин, уже как редактор "Пенсильвания Газетт" поместил одну из первых политических карикатур. Когда в 1754 г. началась война с французами и индейцами, он призвал соотечественников к солидарности, напечатав изображение змеи, разрезанной на восемь частей, которые символизировали восемь колоний — над картинкой была набрана надпись "Объединиться или погибнуть". Тогда же пресса начала извлекать деньги из рекламы, помещая платные объявления. Первая из известных публикаций такого рода была объявлением о пропаже двух кузнечных наковален.

Оригинальные репортажи, выходящие за пределы местных новостей, были еще довольно редки — газеты, издававшиеся по соседству, предпочитали перепечатывать материалы друг у друга. Иногда перепечатку сопровождали анонсами "Важно, если только это не вранье". Это был не столь уж плохой обычай — быть может, о нем стоит и вспомнить. Позднее, уже в начале девятнадцатого века, Генри Блейк из бостонской газеты "Меркьюри энд Нью Инглэнд Палладиум" проявил инициативу, которая принесла ему славу отца американского газетного репортажа. Богатым источником новостей были корабли, приходящие в порт. Коллеги Блейка предпочитали ожидать швартовки в береговых кофейнях, а он

нанял лодку и встречал суда прямо в море, первым снимая сливки с рассказов моряков.

* * *

Опасения губернатора Беркли оправдались спустя столетие, когда газеты в колониях превратились в глашатаев революционного духа. Одним из самых зажигательных изданий того времени была бостонская "Газетт", с чьих страниц "раздували политические меха" Сэмюэл и Джон Адамсы, Джон Хэнкок и другие члены Кокус-Клуба*. Именно редакторы "Газетт", наряженные индейцами, как-то ночью побросали в бостонскую гавань мешки с чаем — это была великолепная пропагандистская акция, и в то же время пример недобросовестной журналистики. Они не только принимали участие в событиях, которые затем и описали, но сами же все и устроили, не признавшись в этом читателям. Современные профессиональные стандарты такого абсолютно не допускают.**

Те времена не обещали легкой жизни журналистам, не желавшим оставаться в стороне от политических конфликтов. Такую попытку предпринял Джеймс Ривингтон, сын преуспевающего лондонского книготорговца, который отправился в Америку, просадив на бегах семейное состояние.

Сейчас я сделаю краткое отступление — только чтобы показать, с какой легкостью в журналистике вспыхивают скандалы. У меня нет полной уверенности, что Ривингтон и в самом деле разорился на скачках. Эту деталь

* *Партийный актив*

** *Имеется в виду так называемое "Бостонское чаепитие" 16 декабря 1773 г., когда члены организации "Сыны свободы" проникли на стоящие в Бостонском порту корабли английской Ост-индской компании и выбросили в море партию чая в знак протеста против налоговой политики Лондона.*

его биографии я взял из весьма уважаемой книги Фрэнка Лютера Мотта "Американская журналистика". Каюсь, я не проверял записи английских букмекеров XVIII века, и мне сомнительно, занимался ли этим и сам профессор Мотт. Я готов рискнуть малость запачкать репутацию Ривингтона ради столь живописной детали, поскольку мне лично это ничем не угрожает — ведь он уже два столетия мирно покоится в могиле. В свое оправдание я могу привести то соображение, что мне приходится конкурировать с другими авторами этого номера журнала за твой, читатель, интерес. Я боюсь, что ты чего доброго можешь бросить мою статью ради рассказа о бейсболе, если я не заманю тебя чем-нибудь горяченьким, поэтому я готов пожертвовать Ривингтоном ради твоего развлечения. Обратите внимание, как искусно я перенес вину с себя на аудиторию. Это старый журналистский защитный прием, который называется "дать публике то, чего она хочет".

Ривингтон был лоялистом, сторонником королевской власти, но в своей газете "Ривингтонс Нью-Йорк Газеттер" он старался писать о волнениях в колониях без партийной предвзятости. За это "Сыны Свободы" сначала окрестили это издание торийской газетенкой, а потом и вовсе разнесли печатный станок на куски.

Теперь я пытаюсь несколько подправить репутацию Ривингтона, называя его не тори, а всего лишь лоялистом. Это означает то же самое, но слово "лоялист" звучит не столь грубо. Такими вот способами журналисты модифицируют свои материалы, чтобы добиться нужных смысловых оттенков.

Конечно, мы далеки от того, чтобы прославлять ривингтоновскую газету и ее объявленное намерение "неизменно выступать в качестве открытого и независимого от любых влияний органа печати". Мы пользуемся правом на подобные восхваления только по отношению к революционным газетам, например, "Пенсильвания Джорнел",

на чьих страницах 19 декабря 1776 г. появилась одна из самых чеканных фраз за всю историю журналистики: "Наше время испытывает на прочность человеческую душу".

Джордж Вашингтон превосходно понимал важность дружественной прессы. Чтобы обеспечить печатным словом свою армию, он приказал переработать на бумагу парусину от старых палаток. Трактат Томаса Пейна "Кризис" произвел на Вашингтона такое впечатление, что он распорядился прочесть его солдатам накануне утренней рождественской атаки на гарнизон гессенских наемников, защищавших Трентон.

Когда в 1787 г. в Филадельфии четыре месяца заседал Конституционный Конвент, на его заседания не допускали ни единого репортера. Некоторые современные критики, чего доброго, заметят, что делегаты столь славно поработали отчасти и по этой причине. Множество споров было вызвано Первой поправкой к Конституции, гарантировавшей свободу печати. Александр Гамильтон обрушился на ее либеральность, вопрошая "Что это такое, свобода печати? Кто в состоянии подобрать для нее определение, которое нельзя было бы обойти с любой стороны?". Вопрос Гамильтона так и остался без ответа, и истолкование понятия свободы печати было оставлено на усмотрение судов.

После того, как проект Конституции был закончен и отправлен для ратификации в каждый штат, в прессе появился блестящий политический комментарий к этому документу. Это произошло, когда Гамильтон, Джеймс Мэдисон и Джон Джей начали печатать свои "Статьи федералистов" в Нью-Йоркском "Индэпэндэнт Джорнел". Эти статьи, которые перепечатались газетами по всей стране, стали мощным аргументом в пользу новой системы государственного устройства.

* * *

Это было время политических титанов, но ни один из

великих не смог избежать нападков прессы. Президент Клинтон, читая самые недоброжелательные статьи, может обрести некоторое утешение в том, что это лишь детские забавы по сравнению с нападками, которым газеты подвергали Джорджа Вашингтона. Вот что, например, писала об администрации Вашингтона газета "Дженерал Эдвертайзер": "Если когда-нибудь целая нация была развращена одним человеком, то это – американская нация, развращенная Вашингтоном. Если когда-нибудь целый народ страдал от чрезмерного влияния одного человека, то это – американский народ, страдающий от могущества Вашингтона. Если когда-нибудь один-единственный человек обманул целую нацию, то это – Вашингтон, обманувший американцев".

Подобные выпады огорчали Вашингтона, и он ответил на них в республиканской газете "Аврора" такими словами: "На все готовы пойти те, кто пытается разрушить доверие, которое народ может и должен питать к своему правительству".

Уже тогда преднамеренная утечка информации в прессу была привычным делом. Президент пришел в бешенство, когда еще до официальной ратификации так называемого договора Джея в газетах появились выдержки из этого документа относительно вывода британских войск из укреплений на американской территории. Однако когда Вашингтон сам организовывал утечки информации, он не видел в этом ничего дурного. В частности, он передал копию своего прощального выступления дружественной по отношению к нему газете "Клэйпулз Америкэн Дэйли Адвертайзер".

В XVIII веке еще не было газетных магнатов-миллионеров. Даже самые энергичные издатели газет не становились на этом поприще богачами. Джон Зенгер, сын Джона Питера Зенгера, попавшего в тюрьму за журналистскую деятельность, с великим трудом пытался свести

концы с концами и не дать умереть отцовской газете "Уикли Джорнел". Некоторые читатели по семь лет не платили за подписку. 18 марта 1751 г. он буквально попросил у читателей милостыню, напирая на то, что сам ходит в обносках и прося "послать бедному печатнику немного копченой свинины или какой другой еды, хотя бы масла, сыра или битой птицы...". Судя по всему, его мольбы остались безуспешными, поскольку на этом номере издание и прекратилось.

После Войны за независимость американские газеты вступили в полосу неуверенности и упадка, но в то же время превратились в необходимый элемент политической жизни. Мартин Ван Барен (президент США в 1837-1841 гг.) как-то сказал, что его сторонникам лучше было бы вообще бросить политику ("развесить арфы на ивах", по его красочному выражению), если бы они не могли распоряжаться некоторыми газетами. Политические лидеры с готовностью кинулись в газетные издатели. Впрочем, из претендентов на официальные должности редко получались путные журналисты, а их газеты не брезговали и самой грубой руганью. Едва ли не чаще других объектом подобных нападок был Томас Джефферсон, который и сам превосходно умел манипулировать прессой и при случае мог просто стать собственником газетного издания, чтобы обеспечить себе поддержку. Вот что в 1802 г., во время его избирательной кампании, писала "Нью Ингленд Палладиум энд Коммерциал Эдвертайзер", бостонская газета, выступавшая на стороне федералистов: "Если Безбожнику Джефферсону удастся стать президентом, *печать смерти* сразу же падет на нашу святую веру, наши храмы будут повержены в прах, и над святынями, посвященными Всевышнему, воцарится мерзкая шляха, носящая имя Богини Разума".

В те времена многие искренне опасались, что охочая до скандалов пресса отпугнет многих порядочных граждан от борьбы за выборные должности. В 1821 г. Джон Квинси

Адамс исключил возможность своего участия в будущей президентской кампании, заявив: "Я не желаю иметь ничего общего с этой лотереей, если мне придется оплатить свой билет закулисными сделками и интригами, взятками в виде покупки газет и раздачи федеральных должностей и дипломатических назначений". Впрочем, Адамс не долго противился искушению высоким креслом и три года спустя с успехом баллотировался в президенты.

Газеты не могут чересчур сильно отклоняться от норм общественного поведения, иначе их просто никто не будет покупать. Если в начале XIX века пресса не гнушалась открытой бранью, то в этом она следовала традициям политических дебатов того времени. Вспоминая о восьми годах (1829-1837), проведенных во главе государства, Эндрю Джексон признался, что на посту президента ему больше всего досаждало, что не в его силах было застрелить своего государственного секретаря Генри Клея и повесить вице-президента Джона Калхуна.

Обычно пресса ограничивается воспроизведением того, что Вудро Вильсон назвал "атмосферой событий", но, как правило, этого вполне достаточно. Газеты, при всем своем несовершенстве, все же удовлетворяли тягу молодой республики к новостям. Жители Сент-Луиса в центре страны уже через неделю могли читать сообщения с восточного побережья, доставлявшиеся конными курьерами. Неповешенному Калхуну отнюдь не всегда нравились газеты, но он восторгался тем, что "граждане Запада будут читать новости из Бостона прямо из-под типографского станка". Калхун назвал почту и печать "нервной системой политики".

Газеты современного типа начали возникать в Америке в тридцатые годы прошлого века. Это произошло под влиянием нескольких факторов. К тому времени уже появились ротационные печатные машины, выдававшие за час до полутора тысяч листов — вместо прежних нескольких сотен за всю ночную смену. Америка урбанизовалась, и изда-

телям уже не было нужды гоняться за подписчиками в отдаленной сельской местности — гораздо выгодней было продавать газеты в городах. Раньше подписка считалась признаком зажиточности и общественного статуса, а теперь цена экземпляра газет стала почти символической. Но было обстоятельство и поважнее: пришло новое поколение одаренных и часто дон-кихотски отважных редакторов, которым было что сказать читателям и которые могли рассчитывать на отличные заработки.

* * *

Первой новой газетой стала нью-йоркская "Сан", которую с 3 сентября 1833 г. издавал Бенджамен Дэй. Это лихое издание, нафаршированное уголовной хроникой, вскоре добилось ежедневного восьмитысячного тиража, почти вдвое превысившего тираж ближайшего конкурента. Фактическая точность не входила в число ее главных добродетелей. Американские журналисты и раньше не брезговали вымыслом, но в 1835 г. "Сан" побила все прежние рекорды, поместив серию статей о похожих на летучих мышей людях, якобы обнаруженных на Луне. Тогдашняя аудитория проглотила этот бред с доверием, подобным вере читателей нынешних бульварных листков в то, что Элвис Пресли жив и благополучно обитает на Марсе. После Гражданской войны, когда "Сан" возглавил Чарльз Дана, обещавший читателям ежедневно публиковать "живые и непосредственные репортажи о мировых событиях", газета обрела респектабельность и влияние.

Макс Френкель, недавно оставивший пост главного редактора "Нью-Йорк Таймс", предложил определение хорошей газеты. Оно звучит так: публиковать "хорошо написанные и сбалансированные сообщения о том, что интересно и важно интеллигентному читателю".

* * *

История журналистики сохранила две легенды, связанные с "Сан". Считается, что знаменитый афоризм "Нет ничего нового в том, что собака тянула человека, а вот если человек укусил собаку — это уже новость!", принадлежит Джону Богарту, редактору отдела городских новостей этой газеты. Самая знаменитая редакционная статья Америки была опубликована в "Сан" в 1897 г. Это был ответ маленькой девочке, которую друзья убеждали, что Санта-Клауса не существует. Мальшка написала письмо с просьбой, чтобы газета сказала ей правду. И "Сан" ответила: "Вирджиния, твои друзья ошибаются!"

Нью-йоркская газета "Геральд", издававшаяся Джеймсом Гордоном Беннетом, впервые вышла в свет на год позднее "Сан". "Геральд" изменила технику преподнесения новостей. Вместо того, чтобы просто сообщать об уголовных процессах по делам об убийствах, газета фактически стала их полноправным участником. Дело Джеветт-Робинсона оказалось для этого просто находкой. Ричард Робинсон был человеком из общества, нередко пользовавшимся услугами прелестной Элен Джеветт, проститутки, которую однажды обнаружили в ее комнате в публичном доме, избитую до смерти. Робинсона отдали под суд и оправдали. "Геральд" больше года писал об этом деле, засыпая читателей различными версиями, одна другой страшнее. В итоге газета стала главным источником уголовной хроники в Нью-Йорке.

Беннетт прославился своими резкими передовицами. После инаугурационной речи Линкольна в "Геральде" появился призыв сместить президента с должности. Беннетт впадал в особое ожесточение, когда речь заходила о религии и церкви. Он был католиком, но ревностным антиклерикалом. Вот одна из его филиппик: "Если уж нам нужен папа, то пусть это будет хотя бы наш собственный папа,...

а не тот дряхлый и распущенный идиот-итальянец, которым кардинальский конклав в Риме осчастливил европейских христиан".

Беннетта так часто ругали за грубость, что "Геральд" постоянно печатал рубрику: "Новые нападки на Беннетта".

"Геральд" был знаменит эффектными трюками. Как-то раз репортер газеты, чтобы рассказать о драгоценностях хозяйки дома, явился на костюмированный бал в рыцарских доспехах. В 1869 г. "Геральд" побил собственные рекорды, отправив репортера Генри Стенли на поиски знаменитого путешественника Дэвида Ливингстона, пропавшего где-то в Африке — очевидно, "Геральд" не считал этот континент труднодоступным.

При всех своих экстравагантностях, "Геральд" в целом был средоточием серьезной журналистики. Эта газета впервые в Америке организовала постоянные представительства за рубежом и публиковала самые надежные в Нью-Йорке финансовые новости. Сочетая внешние эффекты с достоверной и обширной информацией, газета стала столь прибыльной, что сыну ее основателя, Джеймсу Гордону Беннетту младшему, удалось перекачать из доходов редакции не меньше тридцати миллионов долларов на собственную шикарную жизнь в Париже, прежде чем "Геральд" начал приносить убытки.

* * *

Качество американской журналистики сильно улучшилось, когда Хорэйс Грили (который, как говорили, прежде всего полагался на "незашоренные умы") основал в 1841 г. нью-йоркскую "Трибюн". Грили, как и его конкуренты, печатал не вполне достоверные новости, что не мешало ему быть крестоносцем в душе и постоянно воевать за добросовестную уборку улиц и чистое молоко для детского питания. Если Беннетт видел в американской прессе общенациональную коллегию присяжных, то Грили

хотел, чтобы она выполняла еще и функции прокурора. В своей газете Грили первым ввел особую страницу для редакционных статей, где он пламенно воевал за отмену рабства, умеренность в потреблении крепких напитков и многое другое. "Трибюн" не была непогрешимой: часто редакционные статьи не блистали логикой, но писались от чистого сердца.

Если политики становились плохими редакторами, то редакторы еще меньше преуспевали на политическом поприще. Кажется, Бенито Муссолини вошел в историю как единственный журналист, ставший главой государства. Грили, который в 1854 г. помог основать Республиканскую партию, имел немало возвышенных идей, но плохо разбирался в реальной политике. Мало кто из американцев боролся за президентское кресло с более чистыми намерениями, чем Хорэйс Грили, который в 1872 г. бросил перчатку тогдашнему президенту Улиссу Гранту. Если Грили надеялся на поддержку журналистской братии, то он глубоко ошибался. Грили вел кампанию под лозунгом борьбы со злоупотреблениями властей, а коллеги высмеивали его старомодную белую шляпу и крестьянские сапоги. Это дало Грили повод печально заметить: "Я уже не могу понять, куда баллотируюсь — в президенты или в тюрьму".

Он умер вскоре после кампании, не оставив никакого наследства, если не считать созданной им традиции не только публиковать новости, но и радеть о делах общества.

Мы переходим к Уильяму Рандольфу Херсту, который, как выразился один современник, прорвался в Нью-Йорк "со всей благоразумной скрытностью грабителя на деревянной ноге, вставшего в истерику на грохочущей жестяной крыше". До этого Херст развлекался, издавая в Сан-Франциско свой "Экземинер", со страниц которого он изводил железнодорожную компанию "Сентрал Пасифик", находя особое удовольствие в том, чтобы называть пассажиров опаздывавших поездов "уцелевшими". Вскоре ему потре-

бывалось новое поприще, и в 1895 г. он приобрел старую газету "Морнинг Джорнел", известную как "улада горничных", и превратил ее в форпост нью-йоркской желтой прессы.

Сейчас трудно поверить, что кто-нибудь, кроме самого Шефа (он любил эту кличку), всерьез воспринимал старые херстовские газеты. Их склонность к фальсификациям была хорошо известна. Как-то в "Экземинер" появился рассказ о разносчике газет Мак-Гинти, приютском сироте и единственном кормильце двух младших братьев. История так брала за душу, что мать Херста послала в редакцию сотню новеньких хрустящих долларов для сиротки и его братьев. Естественно, что редакторы мудро пропили деньги миссис Херст в ближайшем баре, поскольку никакого Мак-Гинти в природе вовсе не существовало. Вероятно, они поступили разумнее редакторов "Вашингтон Пост", выдвинувших в 1980 году на соискание Пулитцеровской премии репортаж, в котором опытный полицейский журналист сразу распознал бы фальшивку. Все раскрылось, и газета возвратила премию.*

Херст любил вспоминать о репортере "Джорнел-Америкен", который написал блестящую статью, основанную на эксклюзивном телефонном интервью с беглым преступником. Этот репортаж принес автору лавры, которые несколько осыпались, когда стало известно, что преступник — глухонемой. "Ну и что, — оправдывался журналист перед редактором, — парень не сказал мне об этом ни единого слова".

Эта история примечательна в двух отношениях. Во-первых, скорее всего, в ней нет ни грамма правды. Слишком уж она пахнет анекдотами ночной смены. Во-вторых, эту историю обычно рассказывают с удовольствием. В любом другом случае столь ужасный прокол по-

* См. Б.Брэдли в этом номере "Проблем Восточной Европы", стр. 189-212.

влек бы за собой самые неприятные последствия. Становится понятным, почему публика не слишком уважает журналистов.

Есть некая ирония в том, что самый известный анекдот об Уильяме Рэндольфе Херсте тоже далек от истины. Херст подтолкнул Америку к конфликту с Испанией, чтобы заработать на военных репортажах. Художнику Фредерику Ремингтону, посланному на Кубу для зарисовки батальных сцен и не обнаружившему таковых, Херст якобы отправил телеграмму следующего содержания: "Вы обеспечиваете рисунки, а я — войну". На самом деле тогдашним американским ястребам вовсе не нужна была агитация в газетах, поскольку и без этого очень хотелось повоевать. Херст вполне мог бы послать подобную телеграмму, но он этого не делал.

Легко поверить, что вся американская пресса прошлого века не признавала никаких правил, но не следует забывать, что в XIX столетии возникла и "Нью-Йорк Таймс". Из всех крупных изданий "Нью-Йорк Таймс" первой начала систематически отделять новости от редакционных материалов, выражающих позицию газеты. При подготовке материалов газета не гнушалась тяжелой черновой работой, чего никогда не делала грошова пресса. Каждый студент факультета журналистики знает карикатуры Томаса Насти, изображающие кровавого тигра нью-йоркской мэрии. Босса Твида. Журналисты "Таймс" помогли отправить Твида за решетку, скрупулезно собрав улики при изучении муниципальных архивов и финансовых отчетов.

Журналисты настолько редко хвалят собственное начальство, что позвольте мне сделать это сейчас. Бог послал "Таймс" хозяина, какого не часто встретишь среди бизнесменов. К 1921 г. Адольф Окс уже четверть столетия владел газетой. За эти годы ее общая прибыль составила примерно 100 миллионов долларов. Окс довольствовался

четырьмя процентами прибыли, а остальные деньги вкладывал в газету, закупая наилучшее оборудование и привлекая самых лучших журналистов. Сегодня никто уже не вспоминает бойких конкурентов "Нью-Йорк Таймс", а она по-прежнему с нами — самая влиятельная, самая читаемая и почитаемая газета в мире. Она не столь хороша, как должна была бы быть, но это лучше, что мы имеем.

* * *

Старые военные любят вздыхать, что армия уже не та, что прежде. То же самое можно сказать и о "Нью-Йорк Таймс", уточнив, что ее былое совершенство — это аберрация памяти. Культ объективности, провозглашаемый этой газетой, был скорее недостижимой мечтой, чем реальным достижением американских журналистов. В отличие от агентства Ассошиэйтед Пресс, которое поставляет информацию множеству абонентов и потому выдерживает свои сообщения в духе полной нейтральности, ни одна газета никогда не была стопроцентно объективной. Лишь чрезвычайные новости, такие как пожар или кораблекрушение, идут в номер автоматически; все иные материалы публикуются по тем или иным мотивам, и это неминуемо порождает известную тенденциозность в освещении событий.

На небосводе американской журналистики, кроме "Нью-Йорк Таймс, сверкали и другие звезды. Газета "Уорлд", издаваемая Джозефом Пулитцером в Нью-Йорке, поначалу была лишь бульварным листком, не многим отличавшимся от "Геральда", но со временем превратилась в издание редких интеллектуальных достоинств. "Уорлд", а позднее и "Геральд Трибюн" приобрели репутацию "литературных" газет, где сотрудничали журналисты, которые не просто излагали новости, но буквально перекладывали их на музыку, и заставляли эту музыку звучать. У обеих газет есть еще одна общая черта — ни одна из них не дожила до наших дней.

К концу XIX века газеты уже занимали столь важное место в политической жизни Америки, что были в состоянии изо дня в день рассказывать о деятельности президента. Технически нет больших различий в освещении деятельности Белого Дома или мэрии, хотя второе нередко требует от журналиста более высокой квалификации. Опыт показывает, что материалы о Белом Доме в среднем ничем не лучше и не хуже остальных сообщений — просто обычно их гораздо больше.

Когда Гровер Кливленд баллотировался в президенты, его политические противники, намекая, что у него есть незаконнорожденный ребенок, напечатали в газетах карикатуру с подписью: "Мама, а где мой папа? — Ха-ха-ха, он слинял в Белый Дом". Но особенно досаждала пресса Кливленду, когда тот стал президентом. Во время первого президентского срока Кливленд женился, и это дало журналистам повод преследовать его в дни медового месяца столь же неистово, как их сегодняшние коллеги. Репортеры буквально ходили хвостом за новобрачными, которые поселились на вилле в Дир-парке в штате Мэриленд. Их отчеты в общей сложности составили четыреста тысяч слов низкопробной писанины. Так продолжалось, пока какой-то редактор не воскликнул: "Наша профессия опустилась на самое дно, еще ниже торговли спиртным и женским телом!".

Тедди Рузвельт манипулировал печатью с успехом, который позднее выпал на долю лишь Франклину Рузвельту и Джону Кеннеди. Он первым организовал в Белом Доме пресс-центр, который буквально заваливал журналистов сообщениями, спасая президента от малоприятных вопросов. С тех пор никто не придумал способа лучше. По словам одного репортера, пресс-конференции Рузвельта были "повеселей любого цирка". Обычно Рузвельт общался с журналистами, сидя в кресле цирюльника во время бритья. Импульсивный президент не мог долго усидеть на месте, и

подскакивал от возбуждения, разбрасывая хлопья мыльной пены.

Чутью Рузвельта на заголовки статей мог позавидовать любой редактор. Рузвельт пытался обучить обращению с прессой своего преемника Уильяма Тафта, но тот оказался плохим учеником. Тафт предпочитал работать без лишнего шума, полагая, что реформа государственного аппарата должна привлечь внимание обозревателей в большей мере, чем дешевые сенсации. В этом он ошибался, поскольку о пустяках писать гораздо проще, чем о серьезных вещах.

Вудро Вильсону с прессой пришлось нелегко. Элегантный университетский профессор, не привыкший к журналистской бесцеремонности, не считал нужным скрывать, что ставит политических обозревателей на одну ступеньку с полицейскими репортерами, по воле случая оказавшимися в Белом доме. Такое отношение не было беспочвенным. Даже аккредитованные при Белом доме журналисты редко могли похвастаться университетским дипломом. Сейчас ситуация сменилась на противоположную. В наши дни, когда даже для самой незначительной должности в местном еженедельнике требуется, как минимум, степень магистра журналистики, прессу часто называют собранием надменных снобов, взирающих свысока на прочих смертных. Любопытно, что питомцы Йельского университета Джордж Буш и Билл Клинтон, часто прилагают немалые усилия, чтобы их выступления совсем не походили на речь образованного человека.

Судя по всему, каждому президенту хотя бы раз суждено попасть на зубок прессе в результате какой-нибудь истории. Вудро Вильсон не был исключением — он пострадал из-за табачного сока. Еще в бытность президентом Принстонского университета Вильсон произнес речь, в которой поразил слушателей заявлением, что в деревне человеку думается куда легче, чем в городе, поскольку сель-

ские жители могут спокойно восседать вокруг очага, пережевывая табак. Это откровение он заключил милой профессорской остротой: "Как бы ни относиться к привычке жевать табак, нельзя не признать за ней одного достоинства — она заставляет думать, поскольку приходится делать перерывы в речи, чтобы сплунуть табачный сок".

На следующий день в газетах появились заголовки: "Президент Принстона сказал, что жевание табака способствует мышлению". Вильсон нарушил сразу два важнейших правила современных манипуляторов общественным мнением — никогда не отклоняться от заготовленного текста и никогда не подшучивать, поскольку впоследствии пресса миллион раз вывернет вашу шутку наизнанку.

У Клинтона было свое происшествие такого же типа — история со стрижкой. Это и в самом деле было нечто исключительное. Наш президент-популист якобы почти на час задержал все авиарейсы в районе Лос-Анджелеса, чтобы постричься у знаменитого куафера с Беверли-Хиллз. Чем еще Клинтон смог бы сильнее возбудить общественное негодование — разве что спросить, как беднякам нравятся пирожные? Но эта история, обошедшая все средства массовой информации, оказалась чистейшим вымыслом — ни один рейс не был отсрочен или отменен. Однако лишь немногие газеты напечатали опровержение.

Вот еще одно правило Белого Дома. Пресса в настоящее время стала настолько влиятельной, что ее можно сравнить с прирученным драконом, которого держат на заднем дворе. Если его не кормить из рук, он вломится в кухню и перебьет всю посуду.

Вильсон настолько презирал прессу, что затеял опасную игру, которую его помощник полковник Эдвард Хауз назвал "прикосновение к истине". Если Вильсон хотел избежать ответа на вопросы репортеров, он отвечал, но так формулировал ответ, что он не имел к существу вопроса ни малейшего отношения. В таких случа-

ях обычная ложь оказывается куда более эффективной. Когда Том Викар, корреспондент "Нью-Йорк Таймс" при Белом Доме, желая вынудить президента Кеннеди точно охарактеризовать роль Америки в Азии, задал прямой вопрос: "Господин Президент, воюют ли американские войска во Вьетнаме?", Кеннеди посмотрел ему прямо в глаза и солгал: "Нет!".

Аккредитованные при Белом Доме журналисты при всей своей настырности как-то проморгали крупнейшую сенсацию своего времени. В течение последних семнадцати месяцев пребывания в должности Вильсон, пораженный тяжелым тромбозом, практически не мог исполнять своих обязанностей. Состояние здоровья Вильсона так и не стало достоянием гласности, хотя пресса не скупилась на всякого рода намеки. Точно так же в печать не просочились сведения, что из-за полиомиелита Франклин Рузвельт практически потерял способность самостоятельно передвигаться. Точно так же в 1944 г. американские средства массовой информации не сообщали о том, что для политиков было секретом полишинеля. Франклин Рузвельт, которого демократическая партия в четвертый раз выдвинула кандидатом в президенты, стоял на пороге смерти.

Для журналистов стало аксиомой, что корреспонденты при Белом Доме настолько привыкли, по словам Билла Мойерса, "задавать вопросы в стиле предвыборных лозунгов и получать ответы в духе уличных предсказаний", что им никогда не удастся выудить нечто действительно важное. Корреспонденты "Вашингтон Пост" Роберт Вудворд и Карл Бернстин разоблачили Уотергейтский скандал, не переступив порога Белого Дома. Однако информация о Вильсоне и Рузвельте, скорее всего, не вышла на поверхность по иным, более человечным мотивам — из чувства сострадания и стремления к справедливости. Это именно те качества, которых почти напрочь лишена современная пресса.

* * *

Сейчас американские газеты выглядят так же, как и во времена, последовавшие за окончанием Второй мировой войны. За исключением цветной печати и более совершенной графики, они внешне мало чем отличаются от газет пятидесятилетней давности. В те времена газеты не могли сетовать на отсутствие внимания публики. Нью-йоркская "Дейли Ньюс", крупнейшая бульварная газета Америки, довела свой тираж до двух миллионов четырехсот тысяч в будни, и почти пяти миллионов — по воскресеньям. Американская пресса помогла выиграть великую войну и теперь рассчитывала на законное вознаграждение. Какое-то время это ей удавалось, но наступила эра телевидения, полностью изменившего правила игры.

Газетчики взирают на телерепортеров свысока — примерно так же, как ученики-отличники на одноклассников-футболистов. Они уверены в своем интеллектуальном превосходстве, но в то же время знают, что, по большому счету, не могут соперничать с телевидением.

Начнем с чувства превосходства. Как источник информации телевидение попросту не выдерживает ни малейшего сравнения с газетами. Полный текст вечерней информационной телепрограммы, набранный газетным шрифтом, займет не больше трети стандартной полосы. Качество информации, поставляемой типичной телестанцией, таково, что в сравнении с нею старый "Геральд" выглядит образцом осмотрительности. Пять раз в неделю, по рабочим дням, с девяти утра до пяти вечера, нью-йоркский филиал телекомпании Эн-Би-Си непрерывно передает теледискуссию с участием известных ведущих. Слушать их без прерыва — все равно, что ежедневно читать тысячи читательских писем, адресованных в раздел "полезные советы".

Почему же телевидение выигрывает? Каждый раз, когда телевидение хочет передать новость первым, оно может это сделать. Качество текста не имеет особого зна-

чения, важно одно: чтобы зритель увидел картинку. Именно эта специфика телевидения превратила журналистов из информаторов в комментаторов.

Сейчас, как и в старину, от американских газет ждут одновременного выполнения двух различных функций: сообщать читателям новости и приносить доход владельцам. На свете не столь много богачей, желающих платить за свою известность, и большинство из них предпочитает вкладывать деньги не в газеты, а в производство кинофильмов или покупку бейсбольных команд. Парадокс в том, что газета не может приносить прибыль, если она не интересна читателю.

Некоторые издатели это осознают, некоторые — нет. Владелица "Вашингтон Пост" Кэтрин Грэм пошла на страшный риск, дав добро на публикацию документов Пентагона, хотя финансовое положение газеты не было столь блестящим, чтобы пренебречь последствиями скандала. Награда Кэтрин Грэм состояла в том, что "Вашингтон Пост" приобрела репутацию одной из лучших газет Америки. Такое понимание доступно не всем. Во времена Второй мировой войны, когда тиражи были ограничены, владельцы "Геральд Трибюн" решили побольше заработать и увеличили площадь под рекламу. "Нью-Йорк Таймс", наоборот, сократила рекламные объявления и усилила освещение текущих событий. "Трибюн" и вправду несколько увеличила доходы, но уступила "Таймс" немалую часть аудитории и в конце концов прекратила свое существование.

* * *

Американскую прессу постоянно ругают — и это неизбежно. Она занимает в общественной жизни слишком важное место, и поэтому регулярно вызывает критические выпады. Но не спешите проявлять сочувствие к жертвам прессы, чересчур громко сетующим на свои обиды — нередко все объясняется тем, что их поймали с поличным.

Во время Корейской войны наступление китайской армии застало американское командование врасплох. Начальник разведки в штабе генерала Макартура генерал Чарльз Уиллоби в ответ на критику прессы за беспечность разразился яростной атакой на журналистов: "Эти литературные старьевщики, застрявшие между изящной словесностью и полицейскими архивами, невъяснимо, но чисто по-американски почитают себя всезнайками". На самом деле служба Уиллоби действительно проморгала китайское наступление, и это сейчас полностью доказано.

В наши дни журналистам особенно трудно. Как показывают опросы общественного мнения, широкая публика доверяет им не больше, чем продавцам подержанных автомобилей. Мы прошли долгий и печальный путь со времен фильма "Вся президентская рать", изображившего журналистов бескорыстными борцами со злом. В недавней картине "Молчание ягнят", нафаршированной грезами о сексуальных извращениях, каннибализме и массовых убийствах, самый малосимпатичный персонаж — врач, подлизывающийся к репортерам.

Журналисты на словах гордятся своей отверженностью, вызванной, по их мнению, тем, что они честно говорят обществу то, что общество не всегда желает о себе знать. Здесь есть доля истины, но нельзя не признать, что в немалой степени сами журналисты навлекли на себя неприязнь общества.

Я воздержусь от прямого поношения прессы — пусть ему отдается столь преуспевший в этом занятии Патрик Бьюкенен.* Вместо этого я хотел бы обсудить некоторые обвинения, выдвинутые против прессы и сильно уронившие ее репутацию, а затем посмотреть, насколько они оправданы.

* Консервативный политический обозреватель, дважды безуспешно выдвигавший свою кандидатуру на пост президента США.

Для полной ясности я начну с описания своей собственной журналистской квалификации. Я начал карьеру зеленым юнцом, получив место в небольшой газете "Стар", выходившей пять раз в неделю в Сомерсете, штат Нью-Джерси. Поскольку работодатель платил мне лишь шестьдесят долларов в неделю, не стоило ожидать, что я честно признаюсь в своей полной профессиональной неопытности. Оттуда я перешел в агентство ЮПИ, а затем получил работу в "Херст Хедлайн Сервис", небольшом пресс-бюро, предоставлявшем информацию о вашингтонских событиях херстовским газетам. Сейчас эта группа пользуется хорошей репутацией, но в те времена она вряд ли могла составить предмет гордости для нашей профессии. Один из наших материалов настолько возмутил известного телекомментатора Джека Паара, что тот присвоил нам злую, но вряд ли не заслуженную кличку — "паяцев американской журналистики". За эти три года я обнаружил, к радости своей и редакторов, что гораздо лучше пишу обзоры и очерки, чем чисто новостные материалы, и это позволило мне заняться журнальной работой. В последние годы мне не так уж часто приходится писать для газет, но все же я опубликовал в "Нью-Йорк Таймс" и других изданиях ряд статей и рецензий.

ОБВИНЕНИЕ ПЕРВОЕ: ПРЕССА ГРЕШИТ НЕТОЧНОСТЯМИ

Критик Бен Багдикьян, специализирующийся на средствах массовой информации, дал определение журналистики, которое можно считать классическим: "Стараться работать в рядовой американской газете по высшему журналистскому классу — это все равно, что попытаться сыграть на балалайке баховские Страсти по Матфею. Инструмент слишком груб для этого произведения, а аудитория — для исполнителя". За последние двадцать лет

Багдикьян несколько не растратил своего пыла. По его мнению, американская пресса заметно улучшилась и теперь даже заслуживает сравнения с концертной гитарой.

Макса Френкеля эта аналогия явно раздражает. "Ну и что? — вопрошает он, — Другого инструмента у нас нет, и играть на нем надо как можно лучше".

Бывший редактор "Вашингтон Пост" Бен Брэдли очень удачно назвал газеты "первым черновым вариантом истории". Встает вопрос: почему черновым? В редакциях любят говорить, объясняя свои нелегкие проблемы, что репортер, обязанный к сроку сдать материал в номер, подобен повару, которому приказано приготовить и подать на стол минута в минуту к половине восьмого ужин из многих блюд. В рецепте главного блюда перечислены двадцать три ингредиента, но на столе у повара их только девятнадцать, да к тому же, шесть из них — вовсе не те, что нужны. Но ведь ужин все равно необходимо подать — не попросишь же гостей придти на следующий день. Отсюда журналистский лозунг: "Используй то, что есть". И удивительно не то, что ужин далек от совершенства, а то, что он все-таки появился на столе.

Читателям хорошо бы поспокойней относиться к газетным публикациям. Подготовка статьи требует немалых усилий. Нельзя не признать, что пресса не всегда справляется со своими обязанностями. Вот хороший пример — скандал с чеками конгрессменов. Несколько лет назад обнаружилось, что некоторые члены Конгресса, пользующиеся особыми кредитами, задерживают выплату задолженности. Журналисты, писавшие об этом деле, постоянно использовали выражение "возврат чеков", создавая впечатление, что речь идет о чеках без покрытия. Можно спорить, насколько оправданы финансовые привилегии законодателей, но, в противоположность большинству сообщений в средствах массовой информации, ни один из уличенных в злоупотреблении кредитными льготами не выписывал

необеспеченных чеков, что было бы уголовным преступлением. Журналисты склонны оправдывать такие неточности, заявляя, что их коллеги просто использовали привычное и понятное публике выражение. Но в том-то и дело, что эта аналогия была по существу ошибочной, а журналисты обязаны выражаться с большей точностью, нежели психи, обрывающие телефоны телестанции, показывающей заседания Конгресса в прямом эфире.

ОБВИНЕНИЕ ВТОРОЕ: ПРЕССА ПОВЕРХНОСТНА

Вашингтонский политик или чиновник, желающий подчеркнуть, что плохо знаком с данной ситуацией, признается, что его информация "не полнее газетной". Помощник Ричарда Никсона Джон Эрлихман любил подшучивать над журналистами, утверждая, что им известно не более одной сотой происходящего в городе. Пресс-секретарь Джорджа Буша Марлин Фитцюотер великодушно поднял эту оценку до десяти процентов. Не исключено, что он прав, но в том-то и дело, что публике больше всего нужны именно эти десять процентов информации.

ОБВИНЕНИЕ ТРЕТЬЕ: ПРЕССА ВЫСОКОМЕРНА

Обозреватель "Нью-Йорк Таймс" Уильям Сэфайр как-то упрекнул Джорджа Буша (тогда еще вице-президента) в том, что тот не ответил на его звонок. Узнав, что Буш находится в самолете, Сэфайр настаивал, чтобы вице-президент позвонил ему сразу же по приземлении, используя линию связи Секретной службы. Позднее Сэфайр сказал, что, с его точки зрения, отказ ответить на звонок свидетельствует либо о боязни, либо о неуважении. "Я не верю, что они слишком заняты", — заявил Сэфайр.

Сэфайр не нуждается в моей защите. Это жесткий человек, находящийся при трудном деле, и что же делать, если его работа требует неуступчивости. Позднее Сэфайр опубликовал едкую статью о Рее Инмане, выдвинутом на пост министра обороны, после чего тот буквально задал стрекача с будущей должности — вполне возможно, что автор сослужил тем самым немалую службу обществу.

И все же стоит напомнить слова Уолтера Липпмана отметившего, что гордыня погубила еще больше журналистов, чем пьянство.

ОБВИНЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ: ПРЕССА ПРИСТРАСТНА

В разные времена это обвинение звучало по-разному. Например, сегодня прессу упрекают в излишней левизне. Обозреватель "Вашингтон Пост" Дэвид Бродер в свое время слышал от организаторов предвыборной кампании кандидата на пост президента Эдлая Стивенсона жалобы, что демократам никак не удастся прорваться на страницы газет. Хилтон Крамер, бывший критик отдела искусств газеты "Нью-Йорк Таймс", сейчас ведет еженедельную колонку в нью-йоркской "Пост", где постоянно приводит примеры чрезмерного либерализма "Таймс". Это занятие подобно измерению угла склонения всех башен в Пизе для обнаружения единственной наклонной. Однако мой приятель, недавно покинувший "Таймс", сказал, что не испытывает ни малейшего сожаления, поскольку газета давно превратилась в комнатную собачку экономического империализма.

Для меня ясно, что такие крупнейшие газеты, как "Вашингтон Пост" и "Лос-Анджелес Таймс" последовательно демонстрируют либерализм, но Бен Багдикьян считает, что большинство американских газет сейчас левеет. Вы никогда не сможете увидеть в одной газете все

свои политические предпочтения. Поэтому вот мой совет: читайте и нелюбимые издания и полагайтесь на объективность авторов. В освещении социальных проблем журналисты явно пристрастны, чего, как правило, и не скрывают. Читая статьи о допустимости прерывания беременности, можно убедиться, что пресса в целом поддерживает сторонников свободы абортов.

Прессу можно с полным основанием критиковать за органическую неспособность осмысленно писать о религиозных проблемах. Дело вовсе не в том, что пресса против религии, пресса просто имеет светский характер. Большинство газетных статей на религиозные темы, кроме разве что рассказов о психах, запаасающихся оружием для Армагеддона, принадлежит добропорядочным и совершенно серьезным людям, которые у себя в редакциях вдали от посторонних глаз делают заметки для воскресной проповеди. Недавно я сам слышал, как один репортер сказал, что хочет почаще встречаться с постоянными посетителями церквей. Это звучало так, как если бы он намеревался поехать куда-то к черту на рога по заданию журнала "Нэйшнл Географик".

ОБВИНЕНИЕ ПЯТОЕ: ПРЕССА ЦИНИЧНА

За это качество журналистам и платят. Мой отец Берт Эндриус в бытность свою заведующим вашингтонским бюро старой "Геральд Трибюн" говаривал, что встречи с политиками можно проводить всюду, кроме собственного дома — ведь их могут увидеть дети. Здоровый цинизм — первая линия журналистской самозащиты от общественных деятелей, чьи публичные высказывания не всегда правдивы. Джордж Буш утверждал, что расовые соображения не играли никакой роли при выдвижении негра Кларенса Томаса в члены Верховного суда, а сам Томас, когда обсуждалась его кандидатура в Юридическом ко-

митете Сената, заявил, что никогда не задумывался о проблеме абортов.* Почти невозможно продраться через частокол процедуры утверждения в должности, ни в чем не согрешив против истины.

Цинизм прессы отражает и в то же время подпитывает недоверие общества к политикам. После того, как в 1983 г. советский истребитель сбил южнокорейский авиалайнер, опрос общественного мнения показал, что 60% американцев сочли, что администрация Рейгана не сообщила всей правды об этом инциденте. Конечно, нет прямого доказательства, что обладатель официальной должности неизбежно должен быть негодяем и жуликом. В то же время многим репортерам представляется невероятным, что конгрессмен способен поддержать законопроект, если это не сулит ему личной политической выгоды. Если бы сам святой Франциск Ассизский выступил на Капитолийском холме с речью в защиту муниципальных каменных поилок для птиц, пресса сразу принялась бы выведывать, нет ли у его родни деловых связей с владельцами мраморных каменоломен Каррары.

ОБВИНЕНИЕ ШЕСТОЕ: ПРЕССА СЧИТАЕТ СЕБЯ СВЯТЕЕ ПАПЫ РИМСКОГО

Пресса издавна грешит морализаторством. Еще в колониальные времена американские священники часто писали проповеди на темы текущих событий. Газеты продолжали эту традицию, превратив редакционные статьи в

**Решение о законности абортов в США было принято Верховным Судом и может быть пересмотрено этим органом. Поэтому при обсуждении кандидата на пост члена Верховного суда его позиция по вопросу абортов приобретает чрезвычайно важное значение.*

своего рода проповеди. Это позволило Томасу Карлейлю заметить, что на страже моральных устоев нации журналисты заняли место священнослужителей. Нередко с немалым удовольствием журналисты грешат этим и сейчас. Как часто приходится наблюдать, что самые незначительные хроникеры считают возможным высокомерно поучать читателей.

Корреспондент "Лос-Анджелес Таймс" Роберт Шогэн придерживался очень высокого мнения о своей моральной непогрешимости. Как то на приеме в резиденции вице-президента Джорджа Буша Шогэн приблизился к хозяину, на котором был надет пиджак из замши. "До чего элегантно! — сказал Шогэн, — хотелось бы только знать, какое несчастное животное принесли в жертву, чтобы сшить такую прелесть?". Вице-президент свел вопрос к шутке, а Шогэн написал в своей газете о Буше: "За его внешним лоском скрывается холодная надменность".

ОБВИНЕНИЕ СЕДЬМОЕ: ПРЕССА СНИЖАЕТ СТАНДАРТЫ

Да, и во многих отношениях. Наши газеты вынуждены гоняться за новыми читателями — и это в стране, в которой каждому второму взрослому трудно написать элементарное деловое письмо. Американцы не очень интересуются и политической жизнью. Каждый второй студент самых элитных университетов страны не знает фамилий ни одного из двух сенаторов от своего штата. Прямой телерепортаж с заседания Национального съезда Демократической партии 1992 г. в Нью-Йорке, где была утверждена кандидатура Билла Клинтона, смотрело меньше зрителей, чем кинофильм "Месть зубрил", который в то же время транслировался по другой программе. Считается, что политические репортажи по каналам MTV (музыкальное телевидение, рассчитанное прежде всего на молодежь. — Ред.), в большой степени способствовали избранию Клинтона.

Газеты лихорадочно пытаются обрести качество, которое на их языке называется "максимальной доступностью для каждого читателя". Неофициально эта тенденция именуется оглушением. Крупнейший газетный магнат Руперт Мэрдок, покупая новое издание, прежде всего приказывает учредить в нем рубрику гороскопов. И кто мы такие, чтобы его осуждать? Четверть американских читателей сначала проверяют свои гороскопы, а потом уже просматривают заголовки основных статей.

Газеты публикуют все больше "облегченных" сообщений, что вряд ли отпугивает потенциальных читателей. И это не всегда плохо. В прошлом веке газеты были почти полностью подобны политическим и спортивным мужским клубам и лишь изредка публиковали что-то специально для прекрасного пола (упаси вас Бог сегодня пользоваться этим выражением!). Так продолжалось до тех пор, пока газеты не стали всерьез нуждаться в рекламе универсальных магазинов. Жизнь не состоит из одних только сообщений о ставках ссудного процента и максимально дозволённом производстве сельскохозяйственных продуктов.

Некоторые акционеры старшего поколения из числа поклонников сухих новостей едко критиковали и критикуют "Нью-Йорк Таймс" за специальные разделы, посвященные спорту, науке и развлечениям, хотя обычно они делаются по высшему разряду качества и никак не снижают стандартов этой газеты. По воскресеньям "Таймс" выходит с разделом "Стили", который еще не обрел своего стиля — но мы надеемся, что это произойдет.

Сегодня королева облегченных материалов — газета "Ю-Эс-Эй Тудэй", которая нарезает новости кусочками и раскладывает на подносе в виде многоэтажных бутербродов. В свое время я не выносил этого издания, но позже понял, что оно придерживается четкой стратегии и сильно там, где традиционные газеты слабы. Эту газету можно срав-

нить с расписанием автобусов, с которым пассажир может ознакомиться, не приезжая на вокзал. Расписание — не кладезь информации, но оно содержит сведения об отправлениях и прибытии автобусов. "Ю-Эс-Эй Тудэй", при всей своей современности, подчас живо напоминает о былых временах желтой прессы. Говорят, что Эл Нейхарт, основатель газеты, на редколлегии как-то выразил недовольство тем, что фотографию хорошенькой женщины поместили в нижней части страницы. "В следующий раз, публикуя фото привлекательной американской девчонки в свитере в обтяжку, поднимите ее бюст повыше!"

Принимать во внимание вкусы аудитории, без чего пресса действительно не может обойтись, совсем не то же самое, что снижать критерии хорошей журналистики. Как-то в "Нью-Йорк Таймс" мне попалось интервью с известным профессором европейской истории, посвященное дню Колумба. Журналист интересовался, был ли Колумб хорошим человеком. Если в "Таймсе" появляется детская болтовня, значит с нашей журналистикой не все в порядке.

С другой стороны, "Таймс", возможно, знает, что делает. По словам Уильяма Сэфайра, публику больше интересует личность политика, нежели его программа. Журналистские поиски непознаваемой души привели к любопытным переменам в восприятии политики. В 1972 г. сенатор Эдвин Маски не смог сдержать слез, публично защищая жену от клеветы, о чем немедленно сообщили средства массовой информации. В результате сложилось мнение, что Маски недостаточно тверд характером для должности президента. Сейчас же мы, зрители программы Салли Рафаэл, видевшие на протяжении многих лет, как приглашенные ею гости рыдают, рассказывая о своих страданиях, приписываем недостаточную человечность тем кандидатам, которые не пускают слезу на публике.

ОБВИНЕНИЕ ВОСЬМОЕ: ПРЕССА ПООЩРЯЕТ ПОГОНЮ ЗА СЕНСАЦИЯМИ

Любовь к сенсациям — давний и неизбывный грех прессы, которому она предается весьма успешно. Бенджамин Дэй писал в "Сан", что "чужие беды — хлеб журналиста. Ниспошлите нам настоящий пожар московский, битву при Ватерлоо или Наполеона, разрушающего тысячелетние монархии и заливающего мир потоками крови и слез, и мы покажем себя в лучшем виде!"

Газеты обожают рассказывать о скандалах, в которые замешаны знаменитости, особенно если есть возможность развивать бесконечные домыслы. Аршинный заголовок: "Папа Римский сбежал с любовницей" — мечта редактора.

Мало что доставляет журналистам такое удовольствие, как низвержение с пьедестала. Когда в 1874 г. преподобный Генри Бичер попал под суд за связь с замужней женщиной, газеты буквально пенились сообщениями об этой интрижке, точно так же как недавно газеты радостно писали о ссоре Вуди Аллена и Миа Фарру. История Бичера оказалась настолько колоритной, что не так давно нью-йоркская "Дейли Ньюс" вновь посвятила ей подробную статью.

Ежедневная пресса, и нельзя сказать, что против собственного желания, еще больше погрязла в сенсационности под влиянием двух новых факторов. Во-первых, это телешоу, поставляющие скандалы, которые пресса не может игнорировать. Телепрограмма "Изнутри" стала объектом всеобщего внимания, заплатив шестьсот тысяч долларов за интервью с фигуристкой Тоней Хардинг. Стоит признаться, что когда-то газеты тоже покупали новости, но давно оставили эту малопочтенную практику. Второй фактор — многочисленные американские бульварные газеты, бледные копии своих английских прото-

типов, которые в той же степени принадлежат журналистике, что и женский рестлинг — настоящему спорту. В противоположность аналогичным британским изданиям, американские бульварные листки не слишком сенсационны и даже не столь уж интересны. Как правило, они просто сваливают в одну кучу всякого рода факты и домыслы о знаменитостях или подгоняют статьи под кричащие анонсы типа "ДЛЯ МЕРТВОГО ОСТАЕТСЯ НАДЕЖДА". Подчас им удается раскопать стоящие новости. "Стар" ухитрилась затормозить президентскую кампанию Клинтона на время публикации материалов о Дженнифер Флауэрс.* Большая пресса, посетовав на дурной вкус "Стар", в конце концов, тоже занялась этой темой, в чем грешен и я сам. Дело не в самой "помойной" журналистике — она существует издавна. Огорчительно, что серьезная пресса перенимает стиль желтых изданий. Но в конце концов, настоящие журналисты не должны действовать методами адвоката, "отмазывающего" клиента от иска по обвинению в диффамации.

ОБВИНЕНИЕ ДЕВЯТОЕ: ПРЕССА ЗАБАЛТЫВАЕТ НОВОСТИ

Рано или поздно пресса хоронит любую захватывающую историю в бесконечных и утомительных подробностях. Дорогой читатель, неужели тебе нужны, скажем, еще какие-то сведения о принцессе Диане? Муслирование газетных новостей — это процесс непрерывного взаимодействия между редакторами и аудиторией. Пока читателям интересен какой-то сюжет, редакторы этот интерес удовлетворяют. Согласно старой журналистской теории, тема успевает буквально осточертеть газетчикам прежде, чем ее проглотит читатель.

*Дженнифер Флауэрс утверждала, что на протяжении нескольких лет была любовницей Клинтона.

Журналистика не может существовать в вакууме. Самые лучшие темы выдохнутся и умрут, если их не подогреть интересом аудитории, конкуренцией или правительственными акциями. Как-то судьба подкинула мне потрясающий материал о советском шпионе, который был сотрудником аппарата ООН. Моей заслугой здесь не было — сведения мне дал сотрудник наших разведывательных служб, который хотел насолить Госдепартаменту. Но мой горяченький эксклюзив, появившийся в "Джорнэл-Америкэн", ухнул в пустоту, поскольку эту газету, кроме как в пивных и парикмахерских на Бродвее, мало где читали. Я вполне мог бы поместить в этой газете сообщение о начале конца света, но тогдашний губернатор штата Нью-Йорк Аверелл Гарриман вряд ли счел бы это причиной пообедать пораньше.

ОБВИНЕНИЕ ДЕСЯТОЕ: ПРЕССА НЕРАЗБОРЧИВА В НАМЕКАХ

И это еще не все: пресса ведет несанкционированные расследования и занимается адвокатской практикой без лицензии. Согласно Конституции, пресса ни перед кем не обязана отчитываться. Пресса всегда считала своим долгом нападать на сильных мира сего, и действительно имеет множество возможностей откапывать сведения о политиках и чиновниках. И это не так уж плохо. Не приходится сомневаться, что подчас журналисты занимаются не законной охотой, а браконьерством. По словам Патрика Бьюкенена, пресса почувствовала и полюбила вкус свежей крови с тех самых пор, как помогла свалить президента Никсона.

Мало кто защищен от атак журналистов. Как-то негритянского лидера Джесси Джексона по ошибке на всю страну обвинили в плагиате — ну и что? Джексон — известный демагог, а у журналистов нет времени проверить все от начала до конца. Возможно, Дэн Куэйл и не был

лучшим вице-президентом в американской истории, но он все же не заслужил того, что о нем писали. Когда Куэйл был выдвинут кандидатом на эту должность, его финансовые активы составляли около миллиона долларов, а журналисты утверждали, что он стоит шестьсот миллионов. Ничего страшного — Куэйл не был беден даже и без недостающих пятисот девяноста девяти миллионов долларов.

Кажется, пресса дошла до пределов возможного, когда в одном из Вашингтонских парков нашли тело Винсента Фостера, юрисконсульта Белого Дома и друга четырех Клинтон. По всем признакам, Фостер покончил жизнь самоубийством. Это верно, что следователи допустили немало промахов, как верно и то, что смерть Фостера породила множество вопросов, на которые еще предстоит ответить. Однако пресса тут же разразилась потоком таких спекуляций, которые просто невозможно оправдать. Газеты утверждали, что Фостер был гомосексуалистом, имел связь с Хиллари Клинтон, прикрывал финансовый скандал и стал жертвой убийства. Ко времени публикации этих предположений их объединяло лишь одно — мало кто из журналистов был достаточно осведомлен, о чем писал. Репортеры вообще не утруждали себя доказательствами, пусть и не слишком надежными, ограничиваясь одними предположениями.

ОБВИНЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ: В ИЗЛОЖЕНИИ НОВОСТЕЙ ПРЕССА ТЕНДЕНЦИОЗНА

Это обвинение можно сформулировать по-разному. Газеты предпочитают утверждать, что лишь интерпретируют новости, но практически это не так уж отличается от признания в тенденциозности. Растущая склонность прессы к интерпретации фактов объясняется двумя причинами. Во-первых, газеты уже не являются первооче-

редными поставщиками новостей, а во-вторых, предметом газетных сообщений становятся все более сложные темы. По мнению обозревателя "Вашингтон Пост" Дэвида Бродера, переход от простой подачи новостей к их интерпретации первоначально был реакцией журналистов на антикоммунистическую охоту за ведьмами, организованную в начале пятидесятых годов сенатором Джозефом Маккарти (который настолько слабо разбирался в предмете, что, по выражению одного репортера, не обнаружил бы коммуниста даже на Красной площади). Маккарти искусно сыграл на журналистской объективности, наполнив эфир обвинениями, которые в силу их абсурдности невозможно было опровергнуть.

Интерпретация новостей ставит прессу на скользкую почву. Например, что прикажете писать о Россе Перо? Если вы (как и я) считаете, что Перо отличается от традиционных участников политических съездов только своими миллионами, дает ли это вам право провозгласить его политической аномалией? Или вы ограничитесь тем, что назовете Перо новым голосом в национальной политике и предоставите самой публике судить о его достоинствах? Конечно, второй вариант предпочтительней, но журналисты сильно заражены желанием наставлять публику.

Современные редакционные статьи — это невинная болтовня по сравнению с огнедышащими передовицами прошлого века, когда газеты не особенно опасались читательского негодования. Зато в наше время действует целая армия обозревателей, обрушивающих на читателя водопады собственных суждений. Раньше получение собственной колонки считалось честью для репортера. Теперь статус комментатора походя получают репортеры, уставшие от работы с голыми фактами и желающие благодетельствовать нас своими откровениями. Новейший мудрец из синдиката "Нью-Йорк Таймс" Фрэнк Рич, судя

по всему, пишет свои бесценные статьи в перерывах между посещением кинотеатров.

Хотите верьте, хотите нет, но при всем этом американская пресса работает неплохо. Конечно, у нее есть свои промахи и предрассудки. Когда в 1993 г. губернатор штата Нью-Йорк Марио Куомо хотел выступить с речью о бюджете штата, ему не удалось получить эфирного времени даже от общественного телевидения, поскольку пресса сочла тему его речи недостаточно интересной. И все же я не могу назвать никакой другой системы, настолько отягощенной недостатками, как американская пресса, и в то же время делающей столько полезного.

* * *

Конечно, наша пресса никогда не достигала до идеала. Факультет журналистики Колумбийского университета регулярно проводит семинары, на которых обсуждаются возможности улучшить работу американских газет, так что, возможно, мне будет дозволено кое-что сказать по этому поводу. Не ждите ничего особо оригинального. Большая часть предложений, которые вы сейчас прочтете, уже сделана лучшими специалистами в области журналистики, нежели я сам.

Без малого два десятилетия назад сенатор Уильям Фулбрайт призвал прессу пересмотреть ее приоритеты. Фулбрайт писал, что пресса умело разоблачает большие и малые грехи сильных мира сего, но пренебрегает своей обязанностью просвещать публику. "Напыщенное обвинение или эффектный, но беспочвенный и безответственный прогноз... обычно гарантируют сенаторам и конгрессменам столь милое их сердцу внимание прессы, — писал Фулбрайт, — в то время как разумные дискуссии навечно хоронятся в протоколах Конгресса".

Времена меняются, и "Нью-Йорк Таймс" меняется с ними. "Мы превосходно освоили освещение избирательных

кампаний, — говорит Френкель. — Но сейчас нужно научиться писать о ежедневной работе правительства так же интересно и захватывающе, как и о подготовке выборов".

По традиции, лучшие и наиболее опытные репортеры пишут о текущей политике, заполняя свои материалы бесконечными "он сказал", "она ответила", "они имели в виду" и тому подобным. Весьма пронизательный корреспондент "Вашингтон Пост" Ховард Курц называет эту сферу журналистики "дневным шумом". В вашингтонском бюро крупной газеты начинающему журналисту скорее всего поручат скучное задание — писать о второстепенных министерствах и федеральных управлениях. И на этой работе можно наткнуться на золотую жилу, но обычно это происходит чересчур поздно. Вполне возможно, что если бы в свое время опытные и компетентные журналисты привлекли внимание редакторов к банковской индустрии, то удалось бы избежать всем памятной катастрофы сотен сберегательных банков. Газеты должны заниматься самыми сложными и запутанными проблемами, рассказывая о них интересно и со всеми подробностями — в этом за газетами не угнаться никаким иным средством массовой информации. Правда, опыт "Ю-ЭС-Эй Тудэй" вроде бы свидетельствует об обратном, но ведь на этом издании свет клином не сошелся.

Возможно, уже пора прекратить кричать на всех углах об объективности, которая нередко используется в качестве фигового листка, прикрывающего журналистскую нерешительность. Не лучше ли прямо признать за хорошими репортерами право на собственную точку зрения? У британских журналистов подобная пристрастность не считается грехом, а кто сказал, что они плохо работают?

* * *

От телевидения и бульварной прессы особенно пострадали вечерние газеты, издавна публиковавшие обле-

ченые, развлекательные новости. Смиримся с этой потерей и уступим поле битвы — по этой части газетам все равно никогда не угнаться за своими конкурентами. Разумеется, мы будем продолжать раскручивать сенсации и писать о знаменитостях, но давайте это делать в рамках приличий и хорошего вкуса. Вам нужны сведения о прочтении нижнего белья Мадонны? Рассказ о том, как она работает? Какими способами воздействует на зрителей? Чем она привлекательна? Как ее рекламируют? Я знаю только то, что она носит бюстгальтер с заклепками. Если в этом и состоит вся ценная информация о Мадонне, читать ее не стоит.

Для газеты естественно иметь заинтересованную в ней аудиторию. Эти незримые связи между газетой и читателями необходимо всемерно укреплять. Теленовости подобны тюремному рациону — обычно они повсюду одни и те же. Если и можно отличить друг от друга разные телекомпании, то разве что по лицам ведущих. А кого это кольшет?

Мне трудно представить, что теленовости можно воспринимать с таким же интересом и участием, как и статью в любимой газете. Так уж получилось, что моя газета — это "Нью-Йорк Таймс". Я уже не застал "Геральд Трибюн", но я живу в Нью-Йорке, поэтому "Таймс" — моя газета, так же как "Джайантс" — моя футбольная команда. Хорошо это или плохо, но они обе — часть моей большой общественной семьи. Никто сильнее меня не злится на "Таймс". Кажется, что ее спортивный раздел составляет наобум, и мне трудно докопаться до смысла колонок Абрахама Розентала. Когда "Таймс" постигает неудача, я чувствую себя так, как если бы Лоуренс Тэйлор упустил мяч при передаче. В отъезде мне страшно недостает "Таймс", и тогда я готов отказаться от всей прежней критики в ее адрес. Но когда "Таймс" выдает действительно первоклассные материалы, такие как, например, недавние статьи о махинациях с выделением средств на образование,

я впадаю в безумный восторг. Для газет наступает тяжелая жизнь, если читатели начинают относиться к ним с безразличием.

Между газетой и ее аудиторией возникают особые связи отчасти из-за того, что читателям нравится читать именно ее. Эта простая истина кажется настолько самоочевидной, что о ней подчас забывают сами газетчики. Как известно каждому автору периодических изданий, отделы по рекламированию своих газет сначала утверждают, что их аудитория состоит исключительно из выпускников Сорбонны, а позднее жалуются редакторам, что читатели, проглядывающие газету, лишь сидя в кресле чистильщика обуви, не способны воспринять ничего серьезнее, чем сообщение о приезде цирка.

* * *

Несколько лет назад губернатор Джорджии Лестер Мэддокс, участвовавший в дискуссии о реформе пенитенциарной системы штата, сделал блестящее замечание — чтобы улучшить тюрьмы, надо улучшить заключенных. Я поступил в том же духе и закончу эту статью размышлениями о читателях газеты. Я вполне допускаю, что у многих моя статья вызовет недовольство. Читателей можно сердить, даже запутывать, но необходимо возбуждать их любопытство. Мне редко приходилось проявлять больший интерес и наименьшее понимание, чем читая статьи о доказательстве Великой теоремы Ферма.

Читатели также должны трудиться на своей половине поля. Слишком многие привыкли бездумно сидеть у телевизора и потому требуют, чтобы информацию им разжевали и положили в рот. Газета — это призыв к действию. Она не всеведуща, но способна задать необходимые вопросы, а найти на них ответы — дело читателя.

Если вам мало одной газеты, читайте и другие. Прочитав в "Нью-Йорк Таймс" изящный рассказ об английском

актере Джоне Гилгуде, я открываю "Пост" и узнаю оттуда, что актриса Шеннен Догерти будет сниматься в очередном фильме без нижнего белья. Я читаю "Пост" примерно так же, как алкоголик пьет мускатель — знаю, что в нем нет ничего хорошего, но не могу оторваться. Помимо этого, в "Пост" печатается Фил Мучник, которому среди спортивных комментаторов принадлежит такое же место, как Шекспиру среди драматургов елизаветинской эпохи.

Газетное чтение нужно подкреплять чтением журналов. Советую попробовать "Вашингтон Мансли". Это весьма левое издание, но репортажи там на удивление убедительны. Если пресса кажется вам слишком либеральной, подпишитесь на "Нэшнл Ревью", и вам не потребуются иного противоядия.

Я всегда удивлялся насколько хорошо эта балалайка — современная пресса умудряется играть. В числе других местных газет я читаю "Путнэм Рипортер Диспэтч". Как и все газеты концерна Ганнетта, это не слишком высококолое издание, но сегодня ее номер содержит тридцать восемь страниц отличных материалов. Международный раздел предлагает хорошо подобранные репортажи из самых разных мест — от Боснии до Северной Кореи. В разделе местных новостей я прочел, что конгрессмен Гамильтон Фиш, известный своими правыми взглядами, подвергся критике со стороны другого республиканца за чрезмерный либерализм. Я нашел неплохой политический обзор и оживленный спор двух комментаторов о последних высказываниях Луиса Фарракана, уйму спортивных заметок и мои любимые комиксы. Я решил кроссворд и проработал секцию о бридже, прочел интересную рецензию на новую пьесу Эдварда Олби, получил предупреждение от Энн Лэндерс об опасности хронической усталости и иммунной дисфункции и узнал, на каком масле лучше всего готовить китайские блюда.

Не так уж мало за мои сорок центов.

Майкл Шадсон

КАК ИЗОБРЕЛИ ИНТЕРВЬЮ

Интервью — важнейший инструмент современной журналистики. Работающие в Вашингтоне корреспонденты до такой степени предпочитают этот способ получения информации, что для подготовки большинства сообщений вообще не используют документальных источников. Тем не менее, интервью — изобретение относительно недавнее.

Хотя газетное дело в Америке восходит к концу XVII столетия, вплоть до двадцатых годов прошлого века даже в крупнейших городах редакции ежедневных газет не имели в штате корреспондентов, специализирующихся на местных новостях. Однако уже через десяток лет настало время одноцентовых газет, которые в погоне за прибылью всячески пытались увеличить тираж, и освещение местных событий стало, как в 1847 г. заметила бостонская "Геральд", "одной из главных задач прессы".

Поначалу, однако, это освещение ограничивалось публикацией официальных документов и публичных выступлений. Конечно, газетчикам приходилось общаться с официальными лицами, но в статьях это никогда не упоминалось. В журналистских кругах Вашингтона считалось совершенно недопустимым раскрывать в печати содержание конфиденциальных бесед с политиками и дипломатами. Авраам Линкольн часто беседовал с репортерами, однако ни один из них ни разу прямо не сослался на слова президента.

Историки журналистики пытаются точно датировать первое газетное интервью — одни приписывают его Джеймсу Гордону Беннетту (1836 г.), другие — Хоресу Грилли (1859 г.). Однако имя изобретателя газетного интервью не столь важно в сравнении с тем фактом, что еще в 1860 г.